

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11023

EDN: WFFJOZ

Образ благочестивого христианина в старообрядческих рукописных сочинениях XVIII–XX вв.

М. Г. Бабалык

Музей-заповедник «Кижы»

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: mg-babalyk@ya.ru

Аннотация. В статье представлен анализ старообрядческих рукописных сочинений, в которых особое внимание уделяется формированию образа благочестивого христианина. Это разножанровые тексты дидактической направленности, целевой аудиторией которых являлась в первую очередь молодежь. В период петровских преобразований европейская мода стремительно вытесняла традиционную одежду. Внешние изменения влияли на внутренний, духовный мир человека. Старообрядческие проповедники направили все усилия на спасение своей паствы. Привлекая в качестве источников книги Священного писания, труды святых отцов, а также другие авторитетные произведения, авторы сочинений о христианском облике расставляли необходимые акценты, собирали аргументы в защиту традиции. Количество сохранившихся вариантов этих сочинений позволяет говорить о чрезвычайной их популярности. Обычно повествование в них строится либо по принципу противопоставления образов модников и благочестивых христиан, либо по принципу отрицательной коннотации новомодных одежд. В некоторых сборниках данные тексты представлены в составе тематических подборок. На их фоне выделяется сочинение Тимофея Андреева «О новомодном платье и носящих длинные власы». В статье анализируются также сочинение «Инок Захарии к своему ученику Евфимию», повесть о «ризном украшении», видения и сны Даниила Григорьева, текст «О красоте девиц» и другие. В них осуждаются все модные нововведения, авторы ссылаются на авторитет святых отцов, цитируют различные источники, в качестве аргументов приводят опыт визионеров, мучеников за веру. Особое внимание уделяется женскому образу: модницам противопоставляется смиренная христианка. Осуждается любое вмешательство в природную красоту: украшательство, косметика, завивка волос и использование «языка мушек», распространившегося в XVIII в. в светских кругах. Перечисленные сочинения помогали поддерживать авторитет старообрядческих учителей, передавать опыт и традиции.

Ключевые слова: рукописная книжность, старообрядчество, образ христианина, добродетель, мода, мирской обычай, благочестие

Для цитирования: Бабалык М. Г. Образ благочестивого христианина в старообрядческих рукописных сочинениях XVIII–XX вв. // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 264–279. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11023. EDN: WFFJOZ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11023

EDN: WFFJOZ

The Image of a Pious Christian in the Old Believers' Handwritten Texts of the 18th–20th Centuries

Marina G. Babalyk

*Kizhi State Open Air Museum of History, Architecture and Ethnography
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: mg-babalyk@ya.ru

Abstract. The article presents an analysis of Old Believers' handwritten texts, in which special attention is paid to the formation of the image of a pious Christian. These are didactic texts of various genres, which targeted primarily young people. During the period of Peter the Great's transformations, European fashion was rapidly replacing traditional clothing. External changes affected the inner, spiritual world of a person. The Old Believers' preachers directed all their efforts to save their flock. Using the Holy Scripture books, the works of the holy fathers, as well as other authoritative works as sources, the authors of works on the Christian image placed the necessary accents and collected arguments in defense of tradition. The number of surviving versions of these works suggests their extreme popularity. Usually the narrative in them is based either on the principle of contrasting the images of fashionistas and those of pious Christians, or on the principle of the negative connotation of trendy clothes. In some collections, these texts are presented as part of thematic collections. Against their background, Timofey Andreev's essay "About newfangled clothing and wearing long hair" stands out. The article also analyzes the work of "The Monk Zacharias to his disciple Euphemia," the short novel about "sacristy decoration," visions and dreams of Danila Grigoriev, "About the Beauty of the Divitsa" and others. The authors condemn all fashionable innovations, referring to the authority of the holy fathers, cite various sources, and the experience of visionaries and martyrs for the faith as arguments. Special attention is heeded to the female image: the humble Christian is juxtaposed with the fashionistas. Any interference with natural beauty is condemned: adornment, cosmetics, hair curling and the use of the "beauty mark language," which has spread throughout social circles in the 18th century. The listed works helped to maintain the authority of Old Believers' teachers, to transmit experience and traditions.

Keywords: handwritten books, Old Believers, the image of a Christian, virtue, fashion, worldly custom, piety

For citation: Babalyk M. G. The Image of a Pious Christian in the Old Believers' Handwritten Texts of the 18th–20th Centuries. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 2, pp. 264–279. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11023. EDN: WFFJOZ (In Russ.)

В рукописной книжности XVIII–XX вв. может быть выделена группа сочинений, посвященных внешнему облику человека. Повествование в них строится либо по принципу противопоставления образов приверженцев новой моды и сторонников традиции, либо по принципу отрицательной, осуждающей характеристики образов модников. Как правило, эти произведения находятся в старообрядческих коллекциях, что объяснимо: западное влияние усилилось в Петровскую эпоху, многие христиане, особенно те, кто исповедовал официальное православие, относились к нововведениям как к закономерному развитию культуры. Старообрядческая молодежь также приглядывалась к современным фасонам, находя их более удобными. Это вызвало сильнейшее сопротивление представителей старшего поколения.

Для многих старообрядческих сборников характерно объединение разных произведений в тематические подборки в виде выписок, образующих тексты-монолиты, поэтому не всегда сочинения о внешнем облике имеют идентифицирующее заглавие. В лучшем случае, в составе такой подборки дается ссылка на источник (или псевдоисточник), часто даже не выделенная кинovarью. И только инципит позволяет сориентироваться в структуре такого монолита. Так, например, в сборнике последней трети XIX в. из Древлехранилища Пушкинского Дома¹ под ссылкой «Книга Летописец» скрывается текст «Аще кто в чужезычную одежду облечется»². В другом сборнике последней четверти XIX в. из этого же хранилища³ под ссылкой «Кирила Иерусалимскаго, книга Соборник» размещен

¹ ИРЛИ, колл. Заволоко, № 23.

² Здесь и далее цитаты приводятся в соответствии с правилами публикаций, принятых в изданиях ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: «яти», «юсы», «омеги», «ижицы» передаются современными литерами «е», «я», «ю», «о», «и»; «еры» на конце слова удаляются, в середине — сохраняются, все сокращения под титлами раскрываются.

³ ИРЛИ, Латгальское собр., № 57.

текст «Иже лице мастью мажушии и белилом красящийся». Встречаются и более определенные заглавия: «О обычной и необычной одежде»⁴, «О стриженнии власов»⁵ и другие (подробнее см.: [Бабалык, 2014, 2016, 2018]).

На фоне небольших по объему текстов выделяется фундаментальное полемическое произведение выговского писателя Тимофея Андреева (1745–1809) «О новомодном платье и носящих длинные власы» (подробнее см.: [Бабалык, 2017]), созданное им в 1780 г. как ответ Димитрию Ростовскому на его «Розыск о раскольнической брынской вере» [Юхименко: 347].

В жанровом отношении сочинения о внешнем облике разнятся: это повести, проповеди, видения, слова, поучения, полемике. Объединяют их сквозные образы, тематика и дидактическая направленность повествования. Христианское сознание все сильнее испытывало насилие со стороны светского общества. Еще в XVII в. в России начался процесс европеизации (о европейской моде XVII в. см.: [Рибейро: 93–120]). Писатель Юрий Крижанич сравнивал русскую одежду с узкими мешками, обращал внимание на функциональность и удобство западных моделей. Критике подвергались и неухоженные бороды и волосы русских мужчин [Крижанич: 118–122]. В это время лишь иностранцы и некоторые русские носили европейские фасоны, но уже 4 января 1700 г. Петр I повелел придворным переодеться в короткие венгерские кафтаны, а затем в платье немецкое и французское, в немецкие башмаки и шапки. Русская одежда с этих пор запрещалась даже в среде священнослужителей и их семей, торговцев русским платьем ожидало суровое наказание, а носящим традиционную одежду в городе грозил штраф [Руан: 12].

Многовековые традиции рушились, вместе с ними рушились и привычные связи, когда внутреннему, духовному наполнению соответствовало наружное, материальное воплощение. Традиционная одежда, отличающаяся сакральным символизмом, отвергалась новыми людьми. Западные фасоны противоречили духу русского православия, их культурный код считывался как чуждый, вражеский, принадлежащий

⁴ ИРЛИ, собр. отдельных поступлений 24, № 154, конец XIX в.

⁵ БАН, Каргопольское собр., № 292, посл. треть XIX в.

миру зла, дьяволу. Мужчины и женщины из благочестивых и благообразных превращались в идеально выхолощенных, тщеславных щеголей и щеголих, фальшивых снаружи, а значит — лживых, бездуховных изнутри. Научно-технический прогресс способствовал ускорению изменений, приближая, по мнению старообрядческих авторов, антихристово царство. Они встали на защиту традиций: осуждали европейскую одежду, сложные прически, парики, украшательство лиц и волос, у мужчин брадобритие и длинные волосы. В литературе того времени развернулось противостояние разных точек зрения. Позже, в XX в., в некоторых старообрядческих текстах появляется компромиссное отношение к некоторым нововведениям [Покровский: 448]. Сочинения о внешнем облике по-прежнему были направлены на осуждение нравов современного человека.

Представим некоторые тексты более детально.

В рукописи XIX в. из коллекции Каликина⁶ в сочинении «Инока Захарии к своему ученику Евфимию» модные одежды осуждаются в числе прочих западных новшеств (табакокурение, чаепитие, греховные зрелища). Европейские моды трактуются как примета «антихристовых времен», «ересь», козни дьявола (подробнее см.: [Пигин, 2015]).

Такое объяснение подкреплялось в различных апокрифических текстах. Например, в сборнике из коллекции Каликина, № 62, находим повесть «О ризном украшении», в которой говорится о старце, повстречавшем нечистого духа без одежды. Повесть была широко распространена в рукописях. Некоторые ее варианты иллюстрировались⁷. Бес здесь представлен сверх положенного хмурым и невзрачным. Старец удивился и спросил: *«Часо (!) ради окаянне выше меры сквернен еси?»* И нечистый поведал, что нет времени о себе заботиться, *«пекужеса непрестанно дабы сынове и дщери века сего веселящеса украшалися бы прелестными одеждами», «паче же украшаю юных дев, тии бо единым ризным украшением своим могут погубить и свести во ад весь род человеческий»*. Ради

⁶ ИРЛИ, коллекция Каликина, № 62, «Выписано из древлеписменной книги Властодержицы Сергиева монастыря...», лл. 4–5 об.

⁷ См.: БАН, 19.2.26, XIX в.

этой цели «бесове весь образ добрый сами с себя сложили и отдали человеком, любящим красоту»⁸.

Поскольку не всегда увещевания в виде слов и поучений имели нужный эффект, а апокрифические повествования и вовсе могли восприниматься молодым поколением как сказки, необходимо было усилить авторитетность высказываний с помощью других жанров. Вера в вещие сны среди народа позволяла оформлять нарративы как визионерский опыт. Например, в рукописи второй четверти XIX в. записаны видения и сны мещанина Данилы Григорьева, который в июне 1819 г., накануне Петрова дня, увидел благообразного старца в старинном русском одеянии, некоего святого угодника, не назвавшего себя (подробнее об этой рукописи см.: [Пигин, 2019]):

«И се стояше муж возраста совершенна во одежде, якоже християне обычаи имут держати: во два щипка и пугвицы, как у наших прежьних и нынешних стариков, круглы, а одежда, яко серовидна, на главе шапка з двумя рошками, якоже и у нас носят, а сам видом чермен, то есть темнорус, брада невелика руса, и прочее сложение вида его смирено»⁹.

Старец передает заповедь последним христианам не согрешать, хранить свою веру, свой внешний образ, так как от внешнего изменения начнется и внутреннее падение. Особая ответственность лежит на церковных старцах, поучающих молодежь: «Чад своих в слабости содержат, за что и сами осудятся с ними», «старое платье носят не по положению християнскому», «стали ходить в моленную в сибирках с пуговицами и на замах, нашивают для украшения рядами верхняя, как бородавки, и тулупы и армянскую одежду возлюбили с прибавлением немецких украшений»¹⁰.

К модным тенденциям следует отнести брадобритие, а также новые прически. Многие сочинения обличают обычай мужчин растить длинные волосы, одновременно срезая бороды. В подобных сочинениях проповедники чаще всего ссылаются на авторитет известных книг — Пролога, Кириловой

⁸ ИРЛИ, коллекция Заволоко, № 26, посл. четв. XIX в.

⁹ РГБ, собр. Барсова, № 1197.16.

¹⁰ Там же.

книги, Потребника, Стоглава, Творения святых отцов и на библейские истины. Волосы для женщин были не столько украшением, сколько сакральным символом. Срезание бороды для мужчин приравнивалось к обнажению. В текстах часто звучат эсхатологические мотивы, проклятия, поддерживающие страх быть наказанным.

В сборнике XVII в. срезание бороды сравнивается с отсечением частей тела:

«Вопрошаеми же латыни, чесо ради бриются, глаголют, яко тщеславие суетно притворяти, еже бѣраду пуцати, и аще есть от щеславия согрешения избывающе. Сего ради бриют брады своя. Множае паче подобаше им отрезати детородныя уды скопски, аки разжизающих их к студным блужением и богомерзским похотем, очи же извертети, руку же и ногу отсекаати, евангельски реци, аки сими, но удимым ко всяческим лукавым деянием и похотем, но не уды телес наших отсеци нам Спас велит, но лукавыя похоти душъ наших, сими удесы действуемых, сице подобаше бегати согрешения тщеславнаго смиренномудренными подвиги прѣотивящихся ему, а не браду брити, изменение суще честно лепнаго образа елма есть видети их без брад тѣшеславием побеждаемых»¹¹.

В рукописи конца XIX в. находим выписку из Потребника:

«Проклинаю беззаконнаго Петра Гугниваго, приемшаго престол римския державы и отвершего веру християнскую, и органом и тимпаном повеле в церкви быти, и браду и лоно постригати»¹².

Речь идет о так называемой «латинской ереси», разделении церкви на католическую и православную. Петр Гугнивый — легендарный персонаж многих произведений, прообразом которого может быть патриарх Александрийский Петр III Монг.

Далее говорится о людях последнего времени, бреющих лица. Старообрядческие книжники напоминают, что ношение бороды узаконено еще в ветхозаветную эпоху. Первые христиане шли на смерть, лишь бы не осквернить свой образ,

¹¹ РНБ, Q. 139.

¹² ИРЛИ, коллекция Маслова, № 28.

а нынешние легко отдают себя во власть антихристу. В качестве примера героического подвига приводится выдержка из Жития Исидора Юрьевского, написанного в XVI в. Исидор пострадал в Юрьеве в 1472 г. вместе с жителями города за отказ переходить в католичество. Все они погибли подо льдом в реке. Однако в данной выписке святой идет на страдания, защищая традиционный облик, не желая расставаться с бородой (подробнее см.: [Пигин, 2017: 544–547]).

Любопытный пассаж, оформленный как высказывание Максима Грека, находим в рукописи из музея-заповедника «Кижы», где мучение за бороду претерпевает животное — козел, не стерпевший позора и покончивший с собой:

«Обрезавши браду у козла, он бессловесен сый обаче нестерпев досады, уби себе до смерти, бия о землю главою и ум[р]е. Зрите, братие, како и скот зная свое безчестие»¹³.

Самоубийство во имя веры — известный мотив в старообрядческой литературе. В выписках из Жития Исидора Юрьевского приводится фрагмент добровольной смерти трехлетнего младенца. Выговский писатель Петр Прокопьев в послании Даниилу Викулину привел выписки о древних мучениках, покончивших с собой ради сохранения целомудрия [Пигин, 2017: 548]. Примечательно, что в кижской рукописи бессловесное животное очеловечено и ведет себя разумнее христиан последних дней.

В рукописи 1907 г. находим еще одно сочинение «о латинской ереси», но уже с отсылкой к Кириловой книге. Содержание этой выписки связано с апокрифическим сочинением «Прение Панагиота с Азимитом»:

«Рече философ ко Азимиту: чесо ради папы ваши и вси церковницы стригут брады? <...> Азимит же рече: прииде ангел господень нощию к папе и рече ему: аще хоцещи быти, яко ангел, остризи браду, понеже ангели без брад предстоят престолу божию. Панагиот рече: несть тако, но солгал еси»¹⁴.

¹³ Кижы КП-11538, 1860–1880-х гг. Подробнее см.: [Бабалык, 2021].

¹⁴ ИРЛИ, Латгальское собр., № 70.

Еще одна выписка в рукописи последней четверти XIX в. сделана из Стоглава. Здесь брадобрица приравнен к неверным, и после смерти его ждет анафема:

«Выписано из книги Стоглава. Глава 40. Сице запрещает о брадобритии. Аще кто бреет и преставится, то недостойт над ним погребения Пети, ни сорокоустия над ним служить, свечи и просфиры и всякаго приношения в церковь божию по нем не приносити, с неверными да причтется»¹⁵.

Порицалось не только срезание бороды, но и ношение длинных волос мужчинами. В выписке из Кормчей из рукописи рубежа XVIII–XIX вв. о растящих волосы сказано следующее:

«Власы главы твоя <...> паче же устригай их и отчищай, да не по часту счесашути я соблюдающе же и украшающеся ими, всегда вонями мажуцца, наведеш на ся таковыми увляющея жены, не сотвориши неправды, верную бо ти сущу и человеку божию и неподобляет ти красит влас главных, ни творити человеки, рекши постригати, на неделе не извивати влас, понеже и Моисей отрицает, глаголя во второй закони: не сотворите себе человеки и ни извитати влас»¹⁶.

Особое внимание старообрядческие проповедники уделяли женскому образу. В христианской традиции прочно укоренились два противоположных представления о женщине: искусительница и спасительница, Ева и Богородица, злая и добрая жена, блудница и праведница. Христианка должна соответствовать положительному полюсу. На женщине лежит большая ответственность за весь человеческий род, ведь ее предназначение прежде всего стать матерью, именно ее пример важен для молодого поколения, от нее зависит атмосфера в семье, быт, отношения с домочадцами. Влияние Просвещения не обошло стороной женщину.

В уже процитированной выше рукописи из коллекции Каликина выписан текст «О красоте девиц», где светским модницам противопоставлен положительный образ благочестивой девушки-христианки:

¹⁵ БАН, Казачье собр., № 36.

¹⁶ ГИМ, Музейское собр., № 276.

«Красота девицы сия суть — целомудрие несмущенное, красота девицы — девство некрадомо, чистота девицы — ума здравие, красота девицы — чювствам хранение, чистота девицы — долу имети зрение, красота девицы — ушима не слышати суетных, красота девицы — устнама молчание, красота девицы — языку удержание, красота девицы — лица бледостою, красота девицы — чистотных рук на молитву к Богу, красота девицы — смирение глубокое, красота девицы — любовь нелицемерная, красота девицы — послушание скорое с тихостию, красота девицы — всякое слово благое солию растворено, сия сушая красота»¹⁷.

Культ идеальной внешности в среде светских модниц достиг своего расцвета в XVIII в. Чтобы придать лицу нежность и румянность, производители косметики предлагали девушкам различные воды, уксусы, бальзамы, мази, румяны и т. д. Автор сочинения «О красоте девиц» считает, что истинная красота заключается в целомудрии, чистоте, смирении, немногословии, бледном (ненакрашенном) лице.

В статье «О натирации ланит» осуждается искусственное украшение — косметика и завивка волос:

«Разумевая разумевай течение пути своего и разсужая разсужай дела вещей живота твоего, и ведая вдай красоту издание естества своего. Яко добра суть видех же убо некия преественными добротами красящихся, имиже неудобно и нелепотно есть, паче же и множайши соделовах жены, яже смышляемую и приправную к вапом красоте себе претворяют, естественную же и Богом дателную погубляют, или человеческою приправою хотящее превзыти дело руку творца своего, не воспоминающим сего, и же самого человека и всякое украшение и благолепие мира сего созда <...> О прелестная красота и суетная претваряемая лепота, что убо сего во благочестии безчестнейши есть, яко еже власы разчесывати и кудри крутити, и чело вытягати, и брови подносити, и лице велити (!), яко печь мазати, и уста лепити, и очи чернити, и прочими сицевыми прелестными суетами прельщатися, или не весте сего, якоже господь пророком глаголет, всякая плоть есть яко трава, и всякая слава человека яко цвет травный...»¹⁸.

¹⁷ ИРЛИ, коллекция Каликина, № 62, лл. 1–1 об.

¹⁸ БАН, 21.11.6.

Модницы не только создавали различные прически, красили лица и использовали благовония для привлечения внимания. Популярной в светском обществе стала мода на мушки — небольшие наклейки на лицо, имитирующие родимые пятна. В сочинении Тимофея Андреева, например, говорится, что моду на мушки ввела сенаторша Карамша, закрывая таким образом синяк, полученный от любовника¹⁹.

Значение мушек действительно было велико: в XVIII в. сложился своего рода «язык мушек», по которому мужчины угадывали настроение своей дамы. Для сравнения приведем рукопись второй половины XVIII в.²⁰ светского содержания, которая представляет собой сборник гадательных книг и включает статьи: «Практика домостроительная, или Планетник», «Гадательная, по коей бросют одну кость», «Гадательная ж, по коей гадают тремя костями», «Гадательная, называемая оракул Геомантикум, или пунктирное искусство», «Гадательная, по коей гадают двумя костями по кругам», «Гадательная, по коей гадают картами первым», «Истолкование снов по астрономии, происходящих по течению луны», «Примечательная о налпении, как на лице, так и на всех частях тела, мушках», «Гадательная, по коей бросают зерном на цифирной лист».

Среди различных гаданий здесь находится таблица с расшифровкой значений наклеек «Книга VIII, по которой налпение мушек как на всех частях лица, так на шее грудях и на руках примечать должно, и какой каждая мушка признак себе имеет, где она прилеплена бывает значит ниже сего». Прежде всего, здесь выделяются части лица: виски, лоб, брови, нос, глаза, щеки, уши, шея, губы, а также открытые части рук. Значение также имеет, на какой стороне — левой или правой — прикреплена мушка. Всего дано 54 варианта расклейки. Например, если мушка прикреплена между правым виском и правым глазом, это означает, что сердце дамы тоскует: «*Не знаю, о ком вздыхаю*», если же под левой бровью, то дама не в настроении: «*Не хочу видеть*». Мушка на переносице означает, что женщина знает о проступке своего возлюбленного: «*Помню — отомщу!*». Мушка под левым ухом является

¹⁹ ИРЛИ, Латгальское собр., № 16, лл. 384 об. — 385.

²⁰ РНБ, НСРК Q. 187.

признанием: «Тебя люблю». Но если же мушка приклеена в любом месте на руках, кавалер старается зря: «*Не старайся напрасно!*»

Подобные сборники привлекали внимание исследователей с точки зрения изучения светской культуры. Так, Ю. М. Лотман называет «языком кокетства» сочетание положения мушек и веера. Он отмечает искусственность моды тех лет и ее подражательный характер. Модницы порой вели себя нелепо, например, красили зубы в черный цвет или сбрасывали свои волосы для ношения парика [Лотман: 212–213]. Наклеивание мушек на этом фоне выглядит куда более цивилизованным. Гадания, переписанные в сборник, были чрезвычайно популярным занятием у модниц XVIII в. Возможно, книга некогда принадлежала одной из них.

Если рядом поставить девушку-христианку из сочинения «О красоте девиц» и светскую модницу, занятую наклеиванием мушек, очевидной окажется внутренняя пустота последней. Тайный язык — дьявольская уловка для кавалеров, ведущая в преисподнюю. Именно к этому стремился нечистый дух из сочинения «О ризном украшении», когда снял с себя одежду и отдал ее модницам.

Сочинения о внешнем облике занимали важное место в старообрядческой книжности и культуре. Они помогали поддерживать авторитет старших в среде молодежи, передавать опыт и традиции. С помощью этих текстов формировались положительные образы христианина и христианки, которым должны были соответствовать каждый юноша и мужчина, каждая девушка и женщина, чтобы сохранить свои семьи от разрушающего влияния внешнего мира.

Список рукописных источников

- Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН*
ИРЛИ, коллекция Заволоко, № 23.
ИРЛИ, коллекция Каликина, № 62.
ИРЛИ, коллекция Маслова, № 28.
ИРЛИ, Латгальское собрание, № 16.
ИРЛИ, Латгальское собрание, № 57.

ИРЛИ, Латгальское собрание, № 70.

ИРЛИ, собрание отдельных поступлений, № 24, № 154.

ИРЛИ, коллекция Заволоко, № 26.

Библиотека Российской академии наук

БАН, Каргопольское собрание, № 292.

БАН, Казачье собрание, № 36.

БАН, 19.2.26.

БАН, 21.11.6.

Российская национальная библиотека

РНБ, НСРК Q. 139.

РНБ, НСРК Q. 187.

Российская государственная библиотека

РГБ, собрание Барсова, № 1197.16.

Государственный исторический музей

ГИМ, Музейское собрание, № 276.

Музей-заповедник «Кижы»

Кижы КП-11538.

Список литературы:

1. Бабалык М. Г. Западные «новизны» в русском христианском сознании: от XVIII века до наших дней // *LiteraruS — Литературное слово*. 2014. № 3 (44). С. 48–51.
2. Бабалык М. Г. Сочинения о «новомодном облике» в старообрядческой рукописной книжности XVIII–XX вв. // *Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 70-летию КарНЦ РАН (24–27 мая 2016 г.)*. Петрозаводск, 2016. С. 201–202.
3. Бабалык М. Г. Выговский старообрядческий книжник Тимофей Андреев и его сочинения о немецком платье и новомодном облике // *Федосовские чтения: мат-лы науч.-практ. краеведческой конф., посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой*. Петрозаводск, 2017. С. 73–79.
4. Бабалык М. Г. Сочинения о «ризном украшении» в севернорусских рукописях XVII–XX вв. // *Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X–XXI вв.: мат-лы XIV Каргопольской науч. конф. (15–18 августа 2016 г.)*. Каргополь, 2018. С. 263–266.
5. Бабалык М. Г. Старообрядческие сочинения о бытовых предписаниях из рукописи музея-заповедника «Кижы» КП-11538 // *Кижский вестник*. Петрозаводск, 2021. Вып. 19. С. 300–308.
6. Крижанич Ю. Политика / подг. к печ. В. В. Зеленин; пер. и комм. А. Л. Гольдберг. М.: Новый свет, 1997. 527 с.

7. Лотман Ю. М. Человек и общество XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4: XVIII — начало XIX века. С. 161–326.
8. Пигин А. В. «Слово от Старчества»: Беседа инок Захарии с учеником Евфимием об антихристе — малоизвестное старообрядческое сочинение XIX века // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 406–422.
9. Пигин А. В. Мучение св. Исидора Юрьевского в осмыслении русских старообрядцев // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. 65. С. 543–549, 864–866.
10. Пигин А. В. Петр I и Петербург в сочинениях писателей-старообрядцев Выговской поморской пустыни // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375
11. Покровский Н. Н. Гусли, патефоны и телевизоры // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 446–450.
12. Рибейро Э. Мода и мораль / пер. с англ. Г. Граевой. М.: НЛО, 2012. 264 с.
13. Руан К. Новое платье империи: история российской модной индустрии 1700–1917 / пер. с англ. Кс. Щербина. М.: НЛО, 2011. 416 с.
14. Юхименко Е. М. Андреев (Серебренников) Тимофей // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 347–348.

References

1. Babalyk M. G. Western “Novelties” in Russian Christian Consciousness: from the 18th Century to the Present Day. In: *LiteraruS — Literaturnoe slovo*, 2014, no. 3 (44), pp. 48–51. (In Russ.)
2. Babalyk M. G. Writings on the “Newfangled Appearance” in the Old Believers’ Handwritten Books of the 18th–20th Centuries. In: *Rol’ nauki v reshenii problem regiona i strany: fundamental’nye i prikladnye issledovaniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 70-letiyu Karel’skogo nauchnogo tsentra RAN (24–27 maya 2016 goda)* [*The Role of Science in Solution of Problems of the Region and Country: Basic and Applied Research. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Dedicated to the 70th Anniversary of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (May 24–27, 2016)*]. Petrozavodsk, 2016, pp. 201–202. (In Russ.)
3. Babalyk M. G. Vygovsky Old Believer Scribe Timofey Andreev and His Writings on German Dress and Newfangled Appearance. In: *Fedosovskie chteniya. Materialy nauchno-prakticheskoy kraevedcheskoy konferentsii, posvyashchennoy 190-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Fedosovoy* [*Fedosovsky Readings. Proceedings of the Scientific and Practical Local History Conference Dedicated to the 190th Anniversary of the Birth of I. A. Fedosova*]. Petrozavodsk, 2017, pp. 73–79. (In Russ.)

4. Babalyk M. G. Writings About “Sacristy Decoration” in Northern Russian Manuscripts of the 17th–20th Centuries. In: *Kargopol’ i Russkiy Sever v istorii i kul’ture Rossii. X–XXI vv. Materialy XIV Kargopol’skoy nauchnoy konferentsii (15–18 avgusta 2016 g.)* [Kargopol and the Russian North in the History and Culture of Russia. The 10th–21st Centuries. Proceedings of the 14th Kargopol Scientific Conference (August 15–18, 2016)]. Kargopol, 2018, pp. 263–266. (In Russ.)
5. Babalyk M. G. Old Believers’ Writings on Household Prescriptions from the Manuscript of the Kizhi Museum-Reserve KP-11538. In: *Kizhskiy vestnik* [Kizhi Bulletin]. Petrozavodsk, 2021, issue 19, pp. 300–308. (In Russ.)
6. Krizhanich Yu. *Politika* [Politics]. Moscow, Novyy svet Publ., 1997. 527 p. (In Russ.)
7. Lotman Yu. M. Man and Society of the 18th — Early 19th Century. In: *Iz istorii russkoy kul’tury. XVIII — nachalo XIX veka* [From the History of Russian Culture. The 18th — Early 19th Century]. Moscow, Yazyki russkoy kul’tury Publ., 2000, vol. 4, pp. 161–326. (In Russ.)
8. Pigin A. V. “The Word from the Elderhood”: Monk Zachariah’s Conversation with His Disciple Euthymius About the Antichrist is a Little-Known Old Believer Work of the 19th Century. In: *Krugi vremeni. V pamyat’ Eleny Konstantinovny Romodanovskoy* [Circles of Time. In Memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya]. Moscow, Indrik Publ., 2015, vol. 2, pp. 406–422. (In Russ.)
9. Pigin A. V. The Torment of St. Isidore Yuryevsky as Comprehended by the Russian Old Believers. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. St. Petersburg, 2017, vol. 65, pp. 543–549, 864–866. (In Russ.)
10. Pigin A. V. Peter the Great and St. Petersburg in the Works of the Old Believers’ Writers of the Vyg Community. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, no. 6 (183), pp. 77–84. DOI: 10.15393/uchz. art.2019.375 (In Russ.)
11. Pokrovskiy N. N. Gusli, Gramophones and Televisions. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. St. Petersburg, 1993, vol. 48, pp. 446–450. (In Russ.)
12. Ribeyro E. *Moda i moral’* [Dress and Morality]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 264 p. (In Russ.)
13. Ruan K. *Novoe plat’e imperii: istoriya rossiyskoy modnoy industrii 1700–1917* [The Empire’s New Clothes: a History of the Russian Fashion Industry 1700–1917]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 416 p. (In Russ.)
14. Yukhimenko E. M. Andreev (Serebrennikov) Timofey. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2001, vol. 2, pp. 347–348. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бабалык Марина Геннадьевна, Marina G. Babalyk, PhD (Philology), кандидат филологических наук, Leading Researcher, Kizhi State Open ведущий научный сотрудник, му- Air Museum of History, Architecture зей-заповедник «Кижы» (пл. Киро- and Ethnography (pl. Kirova 10a, ва, 10а, г. Петрозаводск, Респуб- Petrozavodsk, 185035, Republic of лика Карелия, Российская Федера- Karelia, Russian Federation); e-mail: ция, 185035); e-mail: mg-babalyk@ya.ru. mg-babalyk@ya.ru.

Поступила в редакцию / Received 05.03.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.04.2022

Принята к публикации / Accepted 12.05.2022

Дата публикации / Date of publication 06.06.2022